Зыков Михаил Борисович

д-р филос. наук, д-р экон. наук, профессор ФГБОУ ВПО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина г. Елец, Липецкая область

ЛОЗУНГ «ВОЛЕНИЕ, МЫШЛЕНИЕ, РАЗУМЕНИЕ!» («ВОЛЯ, УМ, РАЗУМ!») РЕВОЛЮЦИОНИЗИРУЕТ ВСЕ СОВРЕМЕННЫЕ НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В ЦЕЛОМ

Аннотация: в данной работе утверждается, что «воление» оперирует с «волями», желаниями в том же смысле, в каком мышление оперирует с мыслями в процессе познания и освоения объективной реальности, — своего организма (в случае воления) или окружающей человека среды (в случае мышления). К этой гипотезе мыслители мира шли в течение всей истории человечества. Благодаря усилиям Л.Н. Толстого эту гипотезу удалось превратить в теорию со всеми вытекающими последствиями.

Ключевые слова: воля, воление, мысль, мышление, разум, разумение, совесть, личность, психика, желание, рассудок, рационализм, душа, психическое отражение действительности, человек, философия, психология.

На протяжении всей истории философии, а впоследствии и психологии, категория «воля» жила своей обособленной жизнью, не вписываясь ни в какие системы. С этим было покончено, когда Л.Н. Толстой четко и убедительно показал, что категория «бог» есть не что иное, как высшая чувственная абстракция человека [5]. При этом стало понятно, что человеческий мозг воспринимает объективно существующий материальный мир одновременно в двух ипостасях — внутри и вовне «кожного мешка» человека. Тот, который внутри, то есть организм человека, по сложности в миллионы раз превосходящий внешний физический мир, является не в меньшей, а в гораздо большей степени источником *онтичной* информации для человеческого мозга, чем так называемый внешний

«окружающий» мир. Познание внешнего мира мозг осуществляет с помощью ощущений и мышления, познание внутреннего – посредством чувств и воления. Высшей чувственной абстракцией является бог (абсолютный дух), высшей абстракцией мышления является онтос (абсолютная идея), которые – в бесконечном пространстве и времени человеческого бытия – сходятся, тождественны друг другу, поскольку выражают одну и туже реальность.

Душа и ум, воление и мышление неразрывно связаны между собой в психике человека, как две стороны одной и той же «медали» – высшей нервной деятельности человека. Воля и мысль не противостоят друг другу, а образуют «свое другое» как смежные грани активного психического отражения действительности. Взятые сочетанно, в системном единстве, они образуют разум человека, говорящий в совести. Налицо, – своеобразный «принцип дополнительности» воления, мышления и разума, аналогичный принципу дополнительности волновых и корпускулярных свойств частиц в физическом микромире.

Всё началось с Платона, у которого «волевое» впервые становится особым предметом рефлексии и понимается как синтез разумной оценки и «стремления», причем последнее выделяется в отдельную способность души. Аристотель разработал «анатомию» волевого акта, рассматривая волю как специфическую причинность, отличную от «чистого» созерцательного разума и от «чистых» аффектов. Фундаментальной способностью души является стремление; воля — единственный вид стремления, который зарождается в разумной части души и является «синтезом» разума и стремления. Сфера воли соответствует «практическому» разуму, размышляющему о деятельности и направляющему на неё. Чисто интеллектуальный акт отличается от акта целеполагания, в котором момент стремления акцентирован более заметно. Аристотель оформил классическую традицию терминологически, очертив смысловую сферу «волевой» лексики («воля», «выбор», «решение», «произвольное», «цель» и т. д.). Теория Аристотеля и содержательно, и терминологически почти не претерпела изменения в эллинистическую эпоху. Лишь ранние стоики (особенно Хрисипп), говоря о стремлинистическую эпоху. Лишь ранние стоики (особенно Хрисипп), говоря о стрем-

лении разума, отождествляли разумно-оформленное стремление, или волю, противоположное страсти, с суждением. Неоплатонизм, не предложив принципиальных новшеств в области волевой проблематики, переместил ее в сферу онтологии. По Плотину, воля — это мышление, поскольку волей может называться лишь то, что сообразно с разумом. Поскольку воля есть также «тяготение» ума к себе и к Единому (к *онтичной* истине? — МБЗ), она имеет два основных измерения — энергийно-онтологическое и «эротическое».

Со временем наметилась тенденция к «эмансипации воли», в результате которой воля как способность к действию получает известную самостоятельность по отношению к разуму и к аффекту. Так было положено начало пути к будущей «метафизике воли», к акцентированию момента влечения (особенно в патристике). Но в рамках классической традиции «эмансипация» воли имеет ограниченные пределы: в крайнем случае воля ставится рядом с разумом, но никогда явно не противопоставляется ему и тем более не притязает на господство над ним. Смысл процесса — перенесение акцента на динамический момент воления. Принципиальное значение интеллектуального момента этим не умаляется (особенно в моральной сфере), хотя он может отходить на задний план. Термин voluntas заметнее акцентирует динамический момент воли и аккумулирует максимальное количество «волевых» смыслов и выбора между ними. С довольно ранних времен в латиноязычной традиции заметно стремление «разводить» и даже довольно четко разграничивать разум и волю.

Христианство утвердило примат над-рациональной веры и любви (то есть воли, — МБЗ), ограничив сферу компетенции разума еще и в пользу возвышенного аффекта. Это ускорило эмансипирование воли в отдельную способность, повышение статуса динамически-«эротического» момента, и в соединении с онто-теологической перспективой неоплатонизма привело к возникновению своеобразной «метафизики воли», особенно ярко проявившей себя на латинском Западе начиная с 4 века. В тринитарном учении Мария Викторина воля понимается не только психологически или функционально, а прежде всего субстанци-

ально: в Боге воля совпадает с бытием и является чистой потенцией, способностью к самореализации Абсолюта. Сын есть воля Отца (видим, что Викторин является первым, почти дословным предшественником Толстого).

За Викторином шёл в своем тринитарном учении Августин, выделяя динамически-психологический момент *воления* на общем «онто-теологическом» фоне. Любой аффект свидетельствует о некоем волевом стремлении. Согласно Августину, воля присуща всем движениям души. Все они суть не что иное, как воля, то есть стремление ничем не принуждаемой души чего-то не лишиться или что-то приобрести. «Тринитарная» структура разума подразумевает субстанциальное единство ума, памяти и воли (почти учение Толстого, – МБЗ). Благодаря этой «интенции» ум постоянно обращен на себя, то есть всегда себя знает, всегда желает, всегда любит и помнит. Иными словами, память, рассудок и воля суть, следовательно, не три субстанции, но одна.

Средневековая проблематика воли не выходила за рамки августинизма, аристотелизма и их возможных комбинаций. Примером умеренного августинизма может служить позиция Ансельма Кентерберийского. Аристотелевские мотивы превалируют у Альберта Великого и Фомы Аквинского. Для Альберта воля — «причина самой себя», способность самоопределения разума. Воля и разум — разные, но тесно связанные способности души. Фома сочетает тезис Аристотеля с августиновскими реминисценциями: воление есть — по преимуществу акт — интеллектуального самоопределения; ум прежде и выше воли: «разум мыслит волю, а воля желает, чтобы разум мыслил». У Оккама воля и разум — два взаимосвязанных способа активности души. Его «радикальный» вариант августинизма предполагает не онтологический, а обычный динамический примат воли над разумом. Для Дунса Скота структура ментального акта задается волей как первичной интенцией — воля, повелевающая умом, является более высокой причиной с точки зрения ее действия.

Доминирующее положение классической традиции сохраняется в Новое и Новейшее время. У Декарта в «Первоначалах философии» понятие воли не-

сколько шире понятия разума, но – по сути своей – воление есть модус мышления. Для Спинозы в «Этике» воля и разум – одно и то же, ибо разум познает причинную связь вещей и идей: человек определяется к действию познанием. С точки зрения Лейбница в «Рассуждении о метафизике», основание всякой воли коренится в разуме, то есть, воление определяется разумом, хотя (в моральной плоскости) и не детерминируется им полностью. У Канта воля есть способность желания, определяющее основание которой находится в разуме [3, с. 119], или способность определять самое себя к действию сообразно представлению о законах [3, с. 268], или «вид причинности живых существ, поскольку они разумны» [3, с. 289]. Цель действия есть объективное основание для самоопределения воли. Цель – предмет произвола разумного существа, посредством представления о котором произвол определяется к соответствующему действию [3, с. 314]. У Фихте в «Наукоучении» (1794 год) воля выступает как равноправная способность наряду с разумом «внутри» субъекта, причем акт воли (как у Дунса Скота) обладает логическим первенством в процессе самоопределения разумного «Я». По Гегелю, «различие между мышлением и волей – лишь различие между теоретическим и практическим отношением. Они не представляют собой двух способностей – воля есть особый способ мышления: мышление, как перемещающее себя в наличное бытие, как влечение сообщить себе наличное бытие» [2, с. 68–69].

Впервые Шопенгауэр в «Мире как воле...» окончательно порывает с классикой. Воля у него имеет онто-космический статус и выступает как лишенная субъективного начала иррациональная сила, не требующая достаточного основания, но сама являющаяся всеобщим основанием как «воля к жизни», то есть как универсальное метафизическое начало и вместе с тем объяснительная модель (это уже «без пяти минут» учение Толстого, — МБЗ). Комбинация идей Шеллинга и Шопенгауэра присутствует в «Философии бессознательного Э. Гартмана, а у Ницше шопенгауэровская «воля к жизни» преобразуется в столь же онтологичную «волю к власти». Эта традиция косвенно была продолжена в иррационалистической концепции «жизненного порыва» А. Бергсона. Для важнейших филостической концепции «жизненного порыва» А. Бергсона.

софских течений XX века «чистая» волевая проблематика не представляла самостоятельного интереса, поскольку практически все они отправили категорию «воля» в «обоз» психологической науки (что, безусловно, является примером поразительной научной близорукости, — МБЗ).

В современной российской энциклопедии «воля» определяется как способность к выбору деятельности и внутренним усилиям, необходимым для её осуществления. Как специфический акт, несводимый к сознанию и деятельности как таковой. Осуществляя волевое действие, человек противостоит власти непосредственно испытываемых потребностей, импульсивных желаний. Для волевого акта характерно не переживание «я хочу», а переживание «надо», «я должен», осознание *ценностной* характеристики цели действия. Волевое поведение включает принятие решения, часто сопровождающееся борьбой мотивов (акт выбора), и его реализацию [1] (уму непостижимо – как можно писать такие неопределенности сто лет спустя после фундаментальной работы Л.Н. Толстого! – МБЗ).

Судьба категории «воля» является примером поразительных казусов, возможных даже в науке и в философии. На протяжении более чем двух с половиной тысяч лет лучшие умы человечества были на расстоянии волоска от выдающегося научного открытия: утверждения «двухпалатности» человеческого мозга, человеческой познавательной способности. И всё-таки, это открытие удалось сделать ни ученому и не философу, а гениальному художнику Л.Н. Толстому. Это свидетельствует об огромном эвристическом потенциале так называемых «вненаучных методов» познания, некоторое (кстати, весьма несовершенное, — МБЗ) рассмотрение которых было введено в программу кандидатского минимума по «Философии и истории науки» в России в 2005 году. Мне «посчастливилось» быть в числе первой группы, прошедшей курс повышения квалификации по этому поводу. До сих пор помню скептическую реакцию философского «руководства» к моей попытке привлечь их внимание к философской трилогии Л.Н. Толстого.

Сам Лев Николаевич прекрасно понимал огромное значение своего открытия, говоря о предстоящем «перевороте всей человеческой жизни». Что я имею

в виду сегодня, говоря о «революционности» лозунга «Воля, Мысль, Разум!»? Приведу всего несколько примеров возможных последствий его претворения в жизнь:

- 1. Современному религиоведению придется изрядно потрудиться, чтобы вернуть теорию и практику религии к пониманию её истинного предназначения, как формы культуры, передаче из поколения в поколение системы светских духовных ценностей.
- 2. Придется переписать всю историю философии, обратив особое внимание на так называемый «основной вопрос философии», на «борьбу материализма и идеализма» и на «диалектику».
- 3. Теория и практика Педагогики также должны быть полностью пересмотрены и др.
- 4. В экономической теории и практике придется признать ведущую роль индивидуума как источника надежной *онтичной* информации, особенно в вопросах ценообразования и функционирования свободного рынка, неизмеримо более совершенного, чем десятки экономических академий, университетов и институтов и др.
- 5. В вопросе о так называемых «правах человека» придется совершить резкий крен в сторону утверждения не только прав, но и обязанности каждого гражданина становиться *современным* человеком, без чего механизм демократии теряет всякий смысл благодаря «коварным проискам» современных «политтехнологов» и др.
- 6. Психологию также придется переписывать. Признание индивидуума как самого совершенного и надежного источника *онтичной* информации в современном обществе ставит совсем по-иному вопрос о соотношении индивидуума и социума.

Список литературы

- 1. Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия. В 10 CD. М., 2005.
- 2. Гегель Г.В. Философия права. М., 1990. С. 68–69.
- 3. Кант И. Метафизика нравов. Введение. І.: Соч. в 6 тт. Т. 4 (2). М., 1965.

- 4. Соловьев В.С. Воля // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (1890–1907).
 - 5. Толстой Л.Н. Путь жизни. М.: Высшая школа, 1993.